

Образ медведя в чувашской культуре

Фомин Э. В.

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики,
Чебоксары, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru

DOI 10.31483/r-103500

УДК 398.21

Резюме: Работа посвящена изучению образа медведя в чувашской лингвокультуре и ставит целью изучить его свойства в восприятии чувашского народа в широком этнографическом аспекте, включая лингвистический (этимологический, ономастический), а также фольклорный подходы. Материалом исследования послужили тексты устного народного творчества и этнографические разработки, содержащие сведения о медведях. Автор также обращается к тематическим разработкам в области финно-угроведения, так как финно-угорские народы являются представителями лесной культуры, неизменно предполагающей значительное участие в их судьбах медведей. Исследование базируется на традиционных методах: научном осмыслении произведений устного народного творчества и анализе этнографической литературы. Медведь является популярным персонажем чувашского фольклора. При этом он в чувашской культуре не имеет однозначной оценки: медведь – простодушное существо, вследствие чего проигрывающее хитрому человеку. В то же время медведь признается чувашами символом силы. Аналоги в восприятии медведя скорее прослеживаются в русской лингвокультуре, чем в культурах народов Волго-Камья, многие из которых, прежде всего финно-угры, признают медведя тотемным животным. Ряд чувашских текстов о медведях представляет собой кочующие сюжеты.

Ключевые слова: медведь, чувашский язык, фольклор, этнография.

Для цитирования: Фомин Э. В. Образ медведя в чувашской культуре // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 4. – С. 62-65. DOI:10.31483/r-103500.

Research Article

The Image of a Bear in the Chuvash Culture

Eduard V. Fomin

BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts"
of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic,
Cheboksary, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru

Abstract: The work is devoted to the study of the image of the bear in the Chuvash linguistic culture and aims to study its properties in the perception of the Chuvash people in a broad ethnographic aspect, including linguistic (etymological, onomastic), as well as folklore approaches. The material of the study was the texts of oral folk art and ethnographic developments containing information about bears. The author also refers to thematic developments in the field of Finno-Ugric studies, since the Finno-Ugric peoples are representatives of the forest culture, which invariably implies a significant participation of bears in their lives. The study is based on traditional methods: scientific understanding of oral folk art and analysis of ethnographic literature. The bear is a popular character in Chuvash folklore. At the same time, it does not have an unambiguous assessment in the Chuvash culture: the bear is an ingenuous creature, as a result of which it loses to a cunning person. At the same time, the Chuvash recognize the bear as a symbol of strength. Analogues in the perception of the bear are more likely to be traced in Russian linguistic culture than in the cultures of the Volga-Kama peoples, many of whom, primarily the Finno-Ugric peoples, recognize the bear as a totem animal. A number of Chuvash texts about bears are nomadic plots.

Keywords: bear, Chuvash language, folklore, ethnography.

For citation: Fomin E. V. (2022). The Image of a Bear in the Chuvash Culture. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(4), 62-65. (in Russ.). DOI:10.31483/r-103500.

Введение

Медведь является распространенным животным, в силу чего нарративы о медведях встречаются у многих народов мира. По сути это идеальный объект, позволяющий собрать в одном источнике разнозычный материал как единый феномен. Бесценная идея создать коллекцию национальных образцов рассказов о медведях с глоссированием материала принадлежит Т. Б. Агранат.

Данное сообщение подготовлено для участия в работе круглого стола «Медвежьи рассказы на языках планеты людей», запланированной в рамках международной конференции «Лингвистический форум 2022: традиционные речевые формы и практики» Института языкоznания Российской академии наук (17–19 ноября 2022 г.).

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили чувашские фольклорные тексты и этнографические записи, повествующие о медведях. Автор также обращается к близким по тематике разработкам главным образом в области финно-угроведения. Ориентация на финно-угристику не случайна, поскольку финно-угорские народы являются представителями лесной культуры, неизменно предполагающей значительное участие в их судьбах медведей.

Исследование базируется на традиционных методах: научном осмыслении произведений устного народного творчества и анализе этнографической литературы.

Результаты исследования и их обсуждение

Чувашская Республика является ареалом обитания бурого медведя (*хăмăр упа* [хъмър убá]). В результате нерегулируемой охоты они здесь полностью исчезли к 1960 гг. В настоящее время в республике зафиксировано около 20 особей в основном в Алатырском Присурье. (Согласно расчетам исследователей, «ресурсная емкость присурского лесного массива позволяет обитание медведей в 3–4 раза большей численности» [Глушенков, 2020, с. 58]) Чувашское Заволжье является территорией их кратковременного пребывания в летний период. В республике время от времени фиксируются незначительные конфликты с участием медведей.

Этимология слова *упа* ‘медведь’. *Упа* [убá], чув. *опа* [обá] ‘медведь’ < тюрк. *аба* ‘отец (тел., шир., саг.); предок (тур., чаг.); дядя со стороны отца (чаг.); старший брат (коч.); медведь’ (саг., койб., коч.); *абаа* ‘старший брат’ (саг.); *абуу* (тел., чаг. = монг.) ‘батюшка’; др.-турк. *aba* ‘медведь’ [Федотов, 1996, т. 2, с. 282], см. также у В. Г. Егорова: чув. *упа* = хак. *оба* ‘медведь; отец’ [Егоров, 1964, с. 275].

У слова *упа* в чувашском языке нет значения родителя, для этого используется слово *атте* [ат':é]. Безусловно, чувашское *упа* является результатом табуированного называния медведя, сложившегося еще во времена древнетюркской эпохи и выразившееся в семантическом переходе *отец* → *медведь*: «Медведь (*ayi*) у многих тюрksких народностей считался предком людей, был почитаем, и даже после смерти его останки служили объектом поклонения» [Позднякова, Йылдырым, Хамуркопаран, 2014, с. 126].

Подобный переход в разряд сакрального исходного слова *отец* наблюдается в современном чувашском языке: *аслати* ‘гром’ < *аслă атте* букв. великий отец.

Сближение чувашского *упа* с общетюркским исторически омонимичным *aba* ‘мать’ (ср. с чув. *апай* [абáj], *апи* [аб'й] и попытки на этой основе выстроить концепцию тотемности медведя в чувашской среде ошибочно (см.: Севорян, 1974, с. 54–58).

Производные формы: *упален-* (< *упа* + -лен) ‘ползать на четвереньках подобно медведю’ (здесь загадочным выглядит нарушение закона сингармонизма, ожидаемое *упалан* (*упа* + -лан) – стать подобным медведю, ср. с *обалан* у Н. И. Золотницкого: ‘ползти на брюхе’ [Золотницкий, 1875, с. 18], данная форма в других лексикографических источниках не фиксируется); *упамас* [убамáс] ‘увалень, медведь; медлительный, неповоротливый’; *упаç* (*упа* + -çä) [убázъ] »зверолов-медвежатник’, откуда фамилия *Убасев*; *упа сарри* [убá сар':й] ‘папоротник’, букв. медвежья подстилка; *упа алли* [убá ал:йы] [прибор для натягивания обручей; заступ для вынимания земли при рытье ям для столбов’; *упа лепеше* [убá л'ьб'յж'] ‘ночная бабочка’; *упа майри* [убá мъjr'й] ‘гречкий орех’; *упа çамки* [убá çамг'й] ‘бляха на ремне’; *упа кăтки* [убá кът'й] название вида крупных муравьев, *упа чёрни* [убá чър'н'й] ‘лапка для рыхления грядок’ и др. Фразеологические единицы: *упана кашкăр пек* = рус. как кошка с собакой, букв. как медведь с волком; *упа ташии ташла* ‘сильно шуметь’

букв. медвежий танец танцуй. В целом в чувашском языке наблюдается тенденция словом *упа* обозначать крупные объекты.

Медведь в чувашской ономастике. Благопожелательным именем *Уна* и его производными (*Упай* [убáj], *Унак* [убák], *Унакка* [убак:á], *Унакай* [убак:áj], *Унам-сар* [убамзár], *Упанкка* [убанк:á], *Унаçка* [убаçká], *Онаç* [обáç], *Онашка* [обашкá]) в чувашской культуре нарекались только мужчины: *Уна тесе ак мĕншĕн хураççë: упа пек сывлăхлă пултăр, чирĕ ан тивтĕр тесе хураççë* ‘Вот почему называют *Уна*: пусть будет здоровым, как медведь, пусть не болеет – вот почему’ (перевод наш. – Э. Ф.) [Ашмарин, 1928–1950, т. 3, с. 249]. Имя обусловлено традицией, согласно которой «в семьях, где часто умирали дети, новорожденным давали странные, «нечеловеческие» имена (*Çýпти* «Сор», *Уна* «Медведь»)» [Салмин, 2004, с. 112]. Оно в тех же целях могло использоваться и в качестве второго имени взамен официального табуированного.

Настоящее имя в выделительной форме дало начало распространенному чувашскому ойкониму *Уни* [уб'й], как правило, сопровождающего названия дочерних селений: *Уни* (*Пасарлă Уни* букв. Базарное Убеево, *Чиркүллэ Уни* букв. Церковное Убеево) – с. Убеево в Красноармейском районе Чувашской Республики → *Кёrekac Уни* – Кирегаси, *Çёньял Уни* – Синьян Убеево, *Тусай Уни* – Досаево, *Турхан Уни* – Торханы, *Хĕлеç Уни* – Хлеси, *Чаканар Уни* – Чаганары, *Четверти Уни* / *Çинче Кёпер Уни* – Янмурзино, *Янкас Уни* – Янгасы, а также *Кивĕ Уни* – Старые Убен и *Çёñе Уни* – Новый Убей в Дрожжановском районе Республики Татарстан, *Униел* – Убейкино в Исаклинском районе Самарской области. Кроме того, названный антропоним встречается в составе производных названий сел: *Упамса* – Абамза в Батыревском районе; *Упаçырми* – Оба-Сирма в Красноармейском районе, букв. медвежий овраг; *Упакасси* – Алмандаево в Мариинско-Посадском районе, букв. медвежье селение; *Упакасси* / *Упукушикăнь* – Обыково в Красночетайском районе; *Оникасси* – Обиково (ныне в составе Чебоксар); *Пысăк Упакасси* – Большие Абакасы / Большие Убакасы в Ибресинском районе. (Интересным представляется колебание инициальных *у* / *о* ~ *а* в чувашских и русских названиях ойконимов. Надо полагать, это связано с тем, что ко времени фиксации чувашских названий в русских документах в XVII–XVIII вв. переход *у* / *о* в *а* еще не был завершен.)

Медведь в чувашском фольклоре. Медведь – популярный персонаж чувашского фольклора. Частота его упоминания сравнима с упоминанием популярных персонажей – волка, зайца и лисы.

В детском фольклоре устойчивое название медведя – *упа-утаман* [уба удамáн] ‘медведь-атаман’: *Эпĕ упа-утаман, ик урапа утакан* ‘Я медведь-атаман, на двух ногах ходящий’; *Урлă ура – утаман* ‘Косолапая нога – атаман’ (медведь).

Медведь в фольклорных текстах бесхитростное существо, малопонимающее сложные социально-коммуникативные отношения людей, из-за чего может пострадать серьезно вплоть до смерти (см.: Упа ури //

Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Шупашкар, 1985. С. 248; Упана хĕр ача. Там же. С. 249–250;).

Как правило, медведь в народной прозе является самцом, вступающим в брачные отношения с украденной девушкой. У него рождаются дети: либо в человеческом облике, либо наполовину люди, наполовину медведи. Дети, рожденные от медведей, бывают наделены недюжинной силой, прямотой и решительностью (см.: Çурри упа, çурри этем çын // Нараста юмахĕсем. Шупашкар, 2012. С. 280–282; Пуппа майри. Там же. С. 283–284).

В редких случаях медведь может быть осознан в качестве самки: *упа килеми* [убá к'ил'эм'й] ‘бабушка медведицы’, почтительное обращение к медведице [Ашмарин, 1928–1950, т. 3, с. 248]. В этой связи интересной представляется легенда о превращении в медведей двух женщин – невестки и свекрови – без возможности обернуться людьми, поскольку ими были нарушены правила (см. легенду «Упа» в: Чăваш халăх сăмахлăхĕ: мифсемпе халапсем. Шупашкар, 1987. С. 61).

Чувашские сказки про медведей перекликаются с текстами других народов. Например, сказка «Упана хĕр ача» (Медведь и девочка) обнаруживает сюжетное сходство с однотемной мордовской сказкой, ср.: Упана хĕр ача // Чăваш халăх сăмахлăхĕ : ача-пăча сăмахлăхĕ. Шупашкар, 1985. С. 249–250; Мокшин, 2012, с. 320).

При всем этом чувашам присуще упрощенное восприятие медведей, чем финно-угорскими народами. Находящиеся в тесных контактах с чувашами «марицы» почитали медведя, считая его “человеком в шкуре” [Марийцы, 2013, с. 289], хозяином леса. «В произведениях марийского фольклора много сюжетов, рассказывающих о сожительстве марийских женщин с медведями. В этих легендах отражается архаическая идея магического содействия зверя плодородию, позже превратившая медведя в покровителя семейно-брачных отношений» [Мокшина, 2012, с. 100]. В чувашской среде не имело развития осознание медведя как абстрактного символа, удаленного от наблюдаемой физической подосновы.

Медведь в аспекте чувашской этнографии. Медведь не является тотемным животным чувашей, им признается волк.

В речевой практике медведь имеет отрицательную коннотацию, ср.: *упа пек утать* ‘как медведь ходит’ – о неуклюжей походке; *упа пек уласа лар* ‘реветь, как медведь’, *упа пек пĕччен* ‘как медведь одинок’. Негативная характеристика отразилась также в фольклорных текстах малого жанра: *Кăмакара лăпсăр-лăпсăр упа ташлат* ‘В печи косматый медведь танцует’ (тень). Медведь является существом, которым пугают ребенка: *упа килет* ‘медведь идет’.

В системе дохристианских чувашских верований покровителем медведей являлся *Пихампар* [п'иçам-бáр], бог домашних животных и зверей. Злой дух *вупăр* [вúбър] мог обернуться медведем, а при болезни, насыщаемой *хаяр* [хаяр], больные рыдали медвежьим голосом [Салмин 2004, с. 83, 100–102]. На святках моло-

дые люди переодевались в медведей: *Пёри упа пулать, тепри хуци пулать. Хуци упана ташлаттарса çўрет* ‘Один медведем становится, другой хозяином. Хозяин ходит и заставляет танцевать медведя’ (перевод наш. – Э. Ф.) [Ашмарин, 1928–1950, т. 3, с. 248].

Охота на медведя среди чувашей производилась следующим образом: «В прежнее время, когда ружей у чуваш было немного, охотились за зверями, особенно за медведями, с рогатинами, топорами и дубинками. Человек 40–50 отправлялось в присурский лес и начинали отыскивать медведя. Нацелившись на его берлогу, они старались выманить его на драку. Выставляли против него рогатину за рогатиной, направляя их в грудь и брюхо медведя. Тот бил лапой по дротику. Ставили ему против груди рогатину, две, три. Наконец, устанавливали против брюха его рогатину, с железом шириной в четверть аршина, на длинном древке из молодого, завяленого и окостеневшего дуба. Наступление медведя замедлялось: лапа его не могла переломить дротика и чем больше бил он по древку, тем глубже входило в него железо, расширяя рану. Доканчивали медведя ударами дубин» [Никольский, 1929, с. 55].

Чувашская кулинария допускает употребление медвежатины.

Медведь в народном художественном творчестве. Образ медведя в традиционном художественном творчестве, нередко ориентированном на отображение флоры и фауны, и материальной культуре чувашского народа имеет едва заметное выражение. В научной литературе зафиксированы сведения об особом способе крыть крышу, называемом *упа кутле* [убá кутл'э] ‘sicut asinus ursi’ [Ашмарин, 1928–1950, т. 3, с. 249], производстве длинной шубы *тохxa* [тох:á] из медвежьей шкуры [Захарова-Кульева, 2017, с. 74], узоре *опа çопкамë* [обá çопкъм'й] букв. охапка медведя, танце *упа ташии* [убá таш:й] букв. медвежий танец [Ашмарин, 1928–1950, т. 3, с. 251] без описания технологий и правил.

Заключение

В чувашской культуре медведь не имеет однозначной оценки. Он простодушное существо, вследствие чего проигрывающее хитрому человеку. В то же время медведь, как и улып-великан, признается чувашами символом силы. Аналоги в восприятии медведя скорее прослеживаются в русской лингвокультуре, чем в культурах народов Волго-Камья, многие из которых, прежде всего финно-угры, признают медведя тотемным животным.

Сокращения

Др.-турк. – древнетюркский язык, кач. – качинский диалект хакасского языка, койб. – койбальский диалект хакасского языка, монг. – монгольский язык, саг. – сагайский диалект хакасского языка, тел. – телеутский диалект алтайского языка, тур. – турецкий язык, тюрк. – тюркские языки, хак. – хакасский язык, чаг. – чагатайский (староузбекский) язык, чувВ. – верховой диалект чувашского языка, шор. – шорский язык.

Список литературы

1. Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки = Словарь чувашского языка. – Казань – Чебоксары, 1928–1950.
2. Глушенков О. В. Бурый медведь в Чувашской Республике // Труды Мордовского государственного природного заповедника имени П. Г. Смидовича. – 2020. – Выпуск 24. – С. 51–60.
3. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1964. – 357 с.
4. Захарова-Кульева Н. И. Чăваш халăх тумĕ : этнографи словарĕ. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 2017. – 251 с.
5. Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь, сравниенный с языками и речениями разных народов тюркского, финского и других племен. – Казань : Типография Императорского университета, 1875. – VIII, 279 с.
6. Салмин А. К. Система верований чувашей. – Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2004. – 208 с.
7. Марийцы: историко-этнографические очерки. – 2-е издание, дополненное. – Йошкар-Ола : Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл, 2013. – 480 с.
8. Мокшин Н. Ф. Мордовская мифология как система // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. – 2-е издание, дополненное и переработанное. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 2012. – С. 319–331.
9. Мокшина Е. Н. Образ медведя в религиозных и мифологических представлениях финно-угорских народов (мордвы, марийцев, удмуртов, коми и др.) // Финно-угорский мир. – 2012. – №3–4. – С. 97–101.
10. Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чuvаш. – Чебоксары : Чувашское государственное издательство, 1929. – 221 с.
11. Позднякова А. А., Йылдырым А., Хамуркопаран Д. Зоонимный компонент в тюркской топонимии // Наука и школа. – 2014. – №2. – С. 125–129.
12. Севорян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и общетюркские основы на гласные) / Э. В. Севорян ; Институт языкоznания ; Академия наук СССР. – Москва : Наука, 1974. – 766 с.
13. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2-х томах. – Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.

References

1. Ashmarin, N. I. (1928-1950). Chavash samakhesen keneki = Slovar' chuvashskogo iazyka. Kazan – Cheboksary.
2. Glushenkov, O. V. (2020). The brown bear in Chuvashia. Trudy Mordovskogo gosudarstvennogo prirodnogo zapovednika imeni P. G. Smidovicha, Vypusk 24, 51-60.
3. Egorov, V. G. (1964). Etimologicheskii slovar' chuvashskogo iazyka, 357. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
4. Zakharova-Kul'eva, N. I. (2017). Chavash khalakh tume, 251. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi.
5. Zolotnitskii, N. I. (1875). Kornevoi chuvashsko-russkii slovar', sravnennyi s iazykami i racheniami raznykh narodov tiurkskogo, finskogo i drugikh plemen. Kazan': Tipografija Imperatorskogo universiteta; VIII, 279.
6. Salmin, A. K. (2008). Sistema verovanii chuvashhei, 208.
7. (2013). Mariitsy, 480. Marii El.
8. Mokshin, N. F. (2012). Mordovskaia mifologiiia kak sistema. Mordva, 2, 319-331. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
9. Mokshina, E. N. (2012). Image of a bear in religious and mythological beliefs of Finno-Ugric peoples (Mordvinians, Mari, Udmurt, Komi, etc.). Finno-ugorskii mir, 3, 97-101.
10. Nikol'skii, N. V. (1929). Kratkii kurs etnografii chuvash, 221. Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.
11. Pozdniakova, A. A., Iyldyrym, A., & Khamurkoparan, D. (2014). Animals names in the Turkic toponymy. Nauka i shkola, 2, 125-129.
12. Sevortian, E. V. (1974). Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov (Obshchetiurkskie i obshchetiurkskie osnovy na glasnye), 766. Sevortian; Moskva: Nauka.
13. Fedotov, M. R. (1996). Etimologicheskii slovar' chuvashskogo iazyka.

Информация об авторе

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чебоксары, Российской Федерации.

Information about the author

Eduard V. Fomin – candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of humanities and socio-economic disciplines at the BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 24.09.2022

Принята к публикации / Accepted 20.12.2022

Опубликована / Published 24.12.2022